

Глава 1

Роза всегда была рядом, даже в самый миг моего рождения. Плод лежал неправильно, ножками; акушерка, вся в поту, своим и моей матери, билась уже часы, и не до того ей было, что моя трехлетняя сестренка подкралась к истерзанной кровати. По словам акушерки, мама выкрикивала что-то непотребное по-японски, когда Роза, первой углядев выскользнувшую частичку меня, схватилась за липкую ступню и что было сил потянула.

— Ито-сан! — прорвался вопль акушерки сквозь хаос, и мой отец вошел, чтобы вывести Розу из комнаты.

Она вырвалась и убежала; папа не смог сразу ее поймать, а когда поймал, не смог удержать. Несколько минут, и Роза, нимало не испугавшись вертлявого окровавленного тельца, вернулась, чтобы принять меня в свои объятия и в свой фан-клуб. До конца ее дней и даже после она всегда была со мной.

Наша первая встреча стала преданием семейства Ито о том, как я появилась на свет в городке Тропико, название которого сегодня вряд ли кто в Лос-Анджелесе вспомнит.

Было время, когда я не представляла себя отдельно от Розы. Мы спали вместе, свернувшись мокрыми лицами, на тонком матрасике *пачанко*, плоском, как блин, но нам все было нипочем. Позвоночники тогда были гибче. С нас бы случилось и на земле спать на одном только одеяле, да мы и спали порой, в жару южнокалифорнийского позднего лета, с золотистым щеночком Расти в босых ногах.

Тропико был местом, куда мой отец и другие японцы приехали возделывать плодородную аллювиальную почву, выращивать на ней клубнику. Они были “иссеи”, первое поколение японских иммигрантов, пионеры, которые породили второе поколение — нас, “нисеев”. Папа справлялся успешно, пока не началось наступление жилых кварталов. Другие фермеры-иссеи уехали на юг, в Гардену, или на север, в долину Сан-Фернандо, но папа остался и поодрился работать на одном из продуктовых рынков в центре Лос-Анджелеса, всего в нескольких милях от дома. На рынке “Тонаи” продавались все мыслимые овощи и фрукты: сельдерей “Паскаль” из Венеции, салат “айсберг” из Санта-Марии и Гваделупы, клубника “Ларсон” из Гардены и “лучшие дыни Хейла” из Империял-вэлли.

Моей матери не было еще двадцати, когда она в 1919 году приехала из Кагосимы, чтобы выйти замуж за моего отца. Две семьи были издавна знакомы, но хотя впрямую моя мать “невестой по фотографии” не считалась, по сути, примерно так. Моему отцу, который получил мамино фото от своей собственной матери, приглянулось ее лицо — сильная и широкая челюсть подсказывала, что ее обладательнице по си-

лам выжить на передовых краях Калифорнии. Эта подсказка подтвердила себя: мать во многих отношениях оказалась покрепче даже отца.

Когда мне исполнилось пять, папу повысили до управляющего, и мы переехали в дом побольше, но по-прежнему в Тропико. Неподалеку от дома располагалась остановка электрического “красного” трамвая, так что до работы папа мог бы добираться на нем, но обычно он все равно ездил на своем “форде” модели А, потому что был не из тех, кто станет дожидаться трамвая. Мы с Розой, как и раньше, жили в одной комнате, но теперь у каждой имелась своя кровать, хотя в определенные ночи, когда ветра со стороны Санта-Аны задували в щелястые оконные рамы, я в конце концов переползала в кровать к сестре. “Аки!” — взвизгивала она от того, что я задевала ее икры своими ледяными ногами. Но отворачивалась и засыпала, а я продолжала дрожать и в ее постели, пугаясь теней платанов, трепещущих на ветру, безумных ведьм в лунном свете.

Может, из-за того, что моя жизнь началась с ее хватки, мне, чтобы чувствовать себя живой, требовалось быть с ней рядом. Я всегда училась у нее и ей подражала, хотя никогда не смогла бы стать такой, как она. Лицо у меня часто краснело и опухало, так как я мучилась от сенной лихорадки, вызванной амброзией, высокие стебли которой проросли в каждой трещине бетонного дна реки Лос-Анджелес. У Розы цвет лица, напротив, был безупречный, лишь одна родинка сидела на верхней точке правой скулы. Всякий раз, оказавшись достаточно близко, чтобы посмотреть ей в лицо, я чувствовала себя призем-

ленной, отцентрованной и затверделой, и казалось, что этого никаким сдвигом в наших обстоятельствах не поменять.

Окруженная почитателями, Роза держала их ровно на таком расстоянии, чтобы выглядеть загадочной и желанной. Этому умению учили нас наши родители. Хотя с другими американцами японского происхождения отношения у нас были хорошие, мы с разбором подходили к знакомствам — по крайней мере, так было до войны. Наши соученики по школе, в основном белые из верхушки среднего класса, бывали на мероприятиях вроде балов и собраний “Дочерей американской революции”, куда таким, как мы, доступа не было. Имелось среди соучеников и с дюжину нисеев, отпрысков владельцев цветочных магазинов и садовых питомников — умных, послушных мальчиков и безукоризненно одетых девочек, но те, как отмечала Роза, “уж слишком старались”. Сама Роза в этом смысле никаких особых усилий не прикладывала, и я, когда ее дома не было, снимала свое клетчатое платье и тайком примеряла фирменный Розин наряд: белую блузку, длинную трикотажную юбку цвета хаки и тонкий лимонно-желтый свитер того оттенка, какой обычная девушка-нисейка ни за что себе не позволит. В полный рост я рассматривала себя в зеркале, вделанном в дверцу гардероба, хмурясь на то, как выпячивается под юбкой живот; к тому ж юбка была мне длинновата, доходила до щиколоток, но зато прикрывала толстые икры. А лимонный тон желтого придавал коже землистый и болезненный вид, еще раз подтверждая, что одежды Розы не про мою честь.

Во внешкольное время мы с Расти подолгу гуляли по Тропико. В те давние годы можно было бродить меж зарослей оленьей травы, кусты которой подходили на простертых ничком женщин, под ивами, где на изящных лапках недвижно стояли в воде ослепительно белые цапли, и слушать песни западных жаб, пронзительные, как гуд электрических проводов под напряжением. Это было до того, как река Лос-Анджелес разлилась, в результате чего город залил ее русло бетоном. Потом жабы были еще слышны, но пели потише.

Мне бы и хотелось, чтобы мои подростковые годы прошли на свежем воздухе, наедине с собакой, но нет, взрослея, я должна была взаимодействовать с другими людьми, ровесниками. Поскольку внешколы представлялось не так много случаев пообщаться с белыми девочками (белых в нашей среде звали “хакудзин”), когда меня пригласили однажды, это стало событием.

Как-то в восьмом классе Виви Пеллетье, которая сидела рядом со мной, вручила мне приглашение на вечеринку у бассейна. Оно было написано от руки на белой бумаге с зубчатым краем. Ходили слухи, что Пеллетье, переехавшие в Лос-Анджелес из Европы, как-то связаны с кинобизнесом. Поселились они на Лос-Фелиз-Хиллс и одни из первых в этом районе обзавелись собственным бассейном.

Я так крепко вцепилась в это приглашение, что, когда я показала его маме, оно было влажным, а та призадумалась, стоит ли мне идти. Предстоял прием высокого хакудзинского тона, и кто его знает, вдруг я все-таки опозорю семью. За мной уже числились

промашки вроде той, когда во время *ундокая*, спортивных соревнований, которые проводила в Елисейском парке наша японская школа, я носилась туда-сюда с красным пятном на шортах из-за того, что у меня сбилась прокладка.

И еще встал вопрос с купальником. У меня был старый, из ситца в полоску, бесформенный и обвисший на *ошири*, то есть заднице, так, будто поддет подгузник. Этот купальник вполне подходил для японских пикников в Уайт-Пойнте, неподалеку от рыбоконсервных заводов на Терминал-айленд, где проживало около двух тысяч иссеев с нисеями. Однако для приема у бассейна Виви Пеллетье он не годился.

— Разрешите, и все, — сказала Роза матери. — А мы с ней сходим и купим новый костюм.

Мы отправились в галантерею на Первой улице в Маленьком Токио. Выбор был так себе, но я все-таки подыскала цельный темно-синий купальник, в который поместились мои пышные ягодички.

Костюм я принесла в сумке вместе с моим подарком, набором пуховок для тела, который, как мне показалось, подходил девушке родом из Франции. Раньше на таких сборищах мне бывать не случалось, и теперь я внимательно присматривалась к гостям, чтобы не допустить серьезной промашки. С некоторыми девочками пришли их мамы, но я была рада, что явилась одна. Моей маме, как единственной там японке, было бы страшно не по себе, а Роза точно спятила бы от скуки.

Мы как раз доели сэндвичи, яичный салат между ломтиками хлеба со срезанной коркой, когда мать Виви потянула меня в комнату, которую

назвала салоном. Я испугалась, что снова сделала что-то не так.

— Мне очень жаль, но не могла бы ты в другой день прийти поплавать с Виви?

Что, мать Виви думает, что я пришла неподготовленной?

— Мой купальник у меня в сумке.

— Нет, нет, дорогая. Проблема не в этом.

У миссис Пеллетье были широко расставленные глаза и высокий лоб, что делало ее похожей на какого-то лесного зверька из диснеевской “Белоснежки”.

И тут до меня дошло. Это было как в Бруксайд-парке в Пасадене: матери не хотели, чтобы я находилась в одном бассейне с их дочерьми.

Я выбежала в парадную дверь, не попрощавшись с Виви. Путь был под гору, но долгий, и у меня все тряслось, пока я топала по асфальту.

Когда я вошла в нашу заднюю дверь, Роза оторвалась от выкройки платья, которую они с мамой за кухонным столом вырезали.

— Почему ты дома так рано?

Не сумев удержаться от слез, я рассказала, что произошло.

— Говорила же тебе не ходить, — пробормотала мама по-японски.

С ней так и бывало: если пренебрежение к ней выказывали соотечественники-иссеи, обида ее проявлялась жаркой вспышкой гнева, но когда дело касалось хакудзинов, как мужчин, так и женщин, мать сдувалась, наполовину веря в правоту того, что они о нас думали.

Роза терпеть такое не собиралась.

— Зря я, что ли, потратила день на покупки, — пробормотала она и потребовала, чтобы я пошла с ней разбираться с миссис Пеллетье.

Я пыталась сопротивляться, но сестра, как обычно, одолела меня и потащила к машине. Когда она на чем-то настаивала, вся наша семья в конце концов ей поддавалась.

На пороге Пеллетье Роза несколько раз подряд придавила дверной звонок. Выглядела она потрясающе: платье в рюмочку обхватывало тонкую талию, а кожа почти светилась. Миссис Пеллетье она не дала даже возможности поздороваться.

— Вы пригласили мою сестру на прием у бассейна, а потом не разрешили ей искупаться?

Миссис Пеллетье побагровела, как свекла, и попыталась оправдаться, сказав, что она-то всецело за, но ее гостям было неудобно.

— Аки может прийти и поплавать в любое другое время, — сказала она.

Но Роза, как обычно, не отступилась.

— Это неприемлемо. Вы должны извиниться перед моей сестрой.

— Ох, дорогая, мне так жаль. Правда, жаль. Я недавно в Америке.

“Но мы-то — нет”, — подумала я.

Роза не стала произносить речей о расовом равенстве и о чем-то подобном. Всю дорогу домой мы молчали. Вечером я рано улеглась спать, а Роза, когда стемнело, забралась ко мне в постель и обняла меня. Дыхание у нее после ужина кисло отдавало *такуаном*, любимой маминой закуской из маринованного дайкона.

— Никогда не позволяй им думать, что они лучше тебя, — прошептала она мне в ухо.

В понедельник Виви со смущенным видом вернула мне мою сумку с купальником и запиской на все той же белой бумаге, вероятно, благодарностью за подарок, который я принесла ей на день рождения. Я едва на нее глянула, а сумку, не прочитав записку, выбросила в мусорное ведро в коридоре.

В школе мне удалось завести пару подружек, но то были девочки, которые выглядели такими же отщепенками, как и я. Если нас что-то объединяло, так это страх остаться одной за обедом и на переменах.

Я дожидаться не могла, когда перейду в старшие классы и попаду в один школьный двор с Розой. Здание старшей школы построили за пять лет до того — псевдоготическое сооружение, наводившее на мысль о “Грозном перевале”, если не считать, что стояло оно не на туманной пустоши, а на залитом солнцем холме.

Когда я наконец поступила в десятый класс, я повсюду таскалась за Розой и ее поклонницами — точно так же, как дома у нас таскался за мной из комнаты в комнату Расти. На людях она едва обращала на меня внимание, лишь иногда роняла, закатывая глаза: “Куда ж деваться, она моя младшая сестра”.

Роза оказалась единственной нисейкой в школьном драмкружке. Однажды вечером она вошла в нашу спальню с переплетенным сценарием в руках. Щеки ее пылали.

— Представляешь, Аки, мне дали главную роль!

Я ждала, что она объявит об этом за ужином, но она ничего такого не сделала, а быстрее обычного проглотила свою порцию мамино *оказу*, жаркого из свинины и тофу.

— Почему ты ничего не сказала маме и папе? — спросила я, когда мы обе были в постели.

— Боюсь сглазить. Или переволновать маму.

Это и вправду стоило учесть, поскольку с мамы бы случилось, болтая по телефону либо “случайно”, столкнувшись в Маленьком Токио или на рынке с тем или этим, растрезвонить о наших последних успехах — верней говоря, о достижениях Розы. Я не обижалась, что не являюсь предметом мамино хвастовства. Оставаясь вне поля видимости, ты вправе быть заурядной.

Мы с Розой каждый вечер репетировали. “Одно яйцо” Бабетт Хьюз — это одноактная комедия, что меня удивляло, потому что сестра моя была не из шутниц. В пьесе занято три актера, а действие происходит в кафе — посетитель, посетительница по имени Мэри и еще официантка.

По мере того как я зачитывала реплики то за мужчину, то за официантку, мне делалось все ясней, что посетители вздорят из-за чего-то большего, чем просто яйцо на завтрак. Во всем этом ощущался некий любовный накал, меня настораживающий.

— Ты думаешь, это нормально, что тебе дали играть Мэри? — спросила я наконец.

— А почему нет?

— Не знаю.

Выразить свои опасения словами я не могла. Мы все привыкли к неписанным правилам и табу. Мы ими

дышали. Они витали в воздухе наших домов, школ и церквей. В Калифорнии японцы не имели права жениться на белых, и я чувствовала, что выбор Розы на роль Мэри являет собой подрывной акт со стороны руководителя драмкружка. Я и радовалась, и боялась за Розу; настойчиво требуя, чтобы с ней обращались так же, как и с любым другим, она могла навлечь на себя неприятности.

Примерно за неделю до спектакля Роза вошла в нашу комнату с глазами не яркими, как обычно, а красными и опухшими.

— Что не так? — спросила я, и желудок скрутило в предчувствии неприятностей.

— Все так. Кто сказал, что что-то не так? — огрызнулась она.

Она больше не просила меня порепетировать, а сценарий исчез из нашей комнаты.

В вечер спектакля Роза сказала, что ей нужно к Дорис Мотосима, распланировать сбор средств для школьного клуба по интересам.

Я не могла усидеть на месте и повела Расти прогуляться до самой школы. Наш актовый зал был без окон, поэтому я прокралась в вестибюль, но одна из билетерш, старшекласница, вроде Розы, остановила меня и сказала, что с собаками нельзя. Я все-таки схватила программку и, выйдя на улицу, прочла, что Мэри играет Салли Фэйрклот, а Роза — официантку. Привязав Расти к дереву рядом с актовым залом, я вернулась в вестибюль.

— По-моему, здесь ошибка, — сказала я билетеру, который, как мне помнилось, пел в школьном хоре. — Моя сестра играет Мэри, а не официантку.